

Александр Морозов

РОССИЯ — ПРОБУЖДЕНИЕ СНИЗУ?

Доклад

Билефельд, 23 января 2020

Что сейчас происходит с обществом в России? Ответ на этот вопрос тесно связан с типом экономики, который построили Владимир Путин и его команда. Это — «государственный капитализм». Но это «постсоветский государственный капитализм», имеющий свою специфику. Самодеятельная экономическая активность разных социальных страт и групп имела в России очень короткую историю.

Возможно, Путин и команда его первого срока (2000-2004) продолжала действовать в рамках концепции формирования самостоятельного среднего класса, но мы точно знаем, что уже с 2005 года, то есть с началом своего второго президентского срока Путин и его правительство перешли к формированию госкорпораций. И это определило весь следующий 15-летний отрезок развития России.

Результатом этого — для общественного развития — стало непрерывное воспроизводство гигантского класса чиновничества, менеджмента государственных компаний и частных компаний целиком зависящих от госзаказа. Часто пишут, что этот гигантский контингент и обеспечивает политическую стабильность путинской системы. Он лоялен. Но это половина дела. Энергичные, хорошо подготовленные люди, встроенные в такую систему не просто проявляют лояльность, а формируют для себя определенную философию, систему взглядов, они планируют свою жизнь и жизнь своих семей. Наивно было бы описывать человеческую среду госкорпораций как мрачную, косную, рутинизированную и архаичную по взглядам. Этот лояльный государству, деполитизированный и коррумпированный огромный контингент представляет собой среду энергичных людей, постоянно проходящих переподготовку, знающих второй, а иногда и третий язык, это люди, имеющих опыт коммуникаций в разных странах мира, уверенно чувствующих себя и в Дубаи, и в Нью-Йорке, они отправляют своих детей учиться в престижную Высшую школу экономики в Москве или в европейские и американские университеты.

Самосознание этого слоя давно не изучалось социологами. Нет исследований об «элитах». Последнюю такую попытку предпринимала российская фирма политконсалтинга «Николло М» в 2008 году, результаты не понравились тогдашней Администрации Президента и фирма попала в опалу.

Мы ничего не знаем о социальном идеале этих «руководящих кадров», о том, как они видят проблемы развития страны, ждут ли они судебную реформу, как они видят внешнюю политику России и т. д.

2

Хотя режим Путина стоит уже 20 лет и ближайšie сотрудники Путина стареют вместе с ним, невозможно сказать, что это «геронтократический режим». Видно, что в России хорошо работает социальный лифт, поднимающий наверх очень молодых руководителей: в 27 лет — замминистра, в 30-35 лет — министр федерального правительства.

Путин и его аппарат постоянно экспериментируют с системой поиска и подготовки молодых кадров. Сначала это делалось через кремлевские молодежные движения, затем через специально созданную систему отбора кадров через партию «Единая Россия» и так называемые «молодежные парламенты» в регионах. Затем Сергей Кириенко, перейдя в 2016 году с поста главы крупной госкорпорации «Росатом» в Администрацию президента, стал создавать большую систему конкурсов «Молодой лидер», куда ежегодно молодые карьеристы

подают более 200 тыс. заявок. Работает система воспроизводства государственной бюрократии и экономического менеджмента. Параллельно работает система кадрового воспроизводства «силового блока». Те, кто сегодня сталкивается с сотрудниками ФСБ, Следственного комитета, с судебским корпусом, видят перед собой 30-летних людей, которые энергично борются за продвижение наверх, хорошо понимая «правила игры» в системе «клиентел» путинских тяжеловесов, основных стейкхолдеров всей экономико-политической системы.

3

Вся эта среда производит, потребляет и использует в коммуникациях определенную «идеологию». Это — непартийная идеология. Она не «кодифицирована» государством. Нет никакого «ареопага» сертифицированных идеологов этого «корпоративного государства». Она возникает и становится «коммуникативной средой» за счет трех факторов.

Во-первых, публичной речи Путина.

Во-вторых, за счет неформального и некодифицированного так называемого «языка понятий». Это странное русское явление на стыке уголовного и бюрократического языков, представляющее собой сплав «естественного права» и морализма. Именно этот язык устанавливает границы норм и допустимых отклонений от норм.

И в-третьих, это лишь слегка модерируемый Кремлем «язык массовых медиа», в которых публичные акторы самостоятельно порождают или подхватывают различные «объяснительные модели», которые касаются и современности, мировых процессов, и истории, как российской, так и мировой.

В результате имеется достаточно «оппортунистический» идеологический комплекс. Очень лабильный, чрезвычайно циничный именно из-за своей оппортунистичности. В отличие от советского периода у этого «корпоративного государства» нет «генеральной линии», которая бы вырабатывалась институционально.

В течение 20-летнего правления Путина этот идеологический комплекс сильно менялся. И лишь после аннексии Крыма — которая произвела колоссальные изменения в российском обществе, во внешней и внутренней политике Кремля, - можно говорить о том, что возникает более жесткий идеологический каркас и более четкие институциональные механизмы его укрепления. **И когда мы говорим о «пробуждении снизу», то в первую очередь надо говорить о «консервативном пробуждении снизу», которое произошло в результате аннексии Крыма и войны в Донбассе.** Разумеется, все элементы этого консервативного пробуждения имелись и раньше в российском общественном дискурсе, но они были оттеснены от политического центра. Не они составляли консенсус. Они идентифицировались с маргинальными группами и воспринимались чаще всего, как «авторские проекты» отдельных идеологов, которых Кремль, может быть, и привлекал для отдельных работ в своих проектах, однако этот дискурс не был массовым для общественного сознания.

4

Российскими и зарубежными политологами и социологами уже очень подробно описано из чего состоит этот массовый дискурс. Он состоит из паттернов, матриц, которые работают легко накладываясь на любой материал — текущих или исторических событий. В нем пять элементов.

Первый - «агрессивное антизападничество». Надо здесь отметить, что русская культура всегда имела влиятельные антизападные течения, а элиты подчеркивали «особый путь». Однако сам по себе дискурс «особого пути» не является агрессивным. В широком смысле «особый путь» у любого общества, независимо от того в каких глобальных или интеграционных проектах оно участвует. Мы здесь говорим о специфическом дискурсе «особого пути», когда идеология претендует на то, чтобы обосновывать не культурное, а «метафизическое» противостояние, формулировать ситуацию на языке тотальной борьбы я и

схватки на почве «последних ценностей». «Можем повторить», «гейропа», полное отрицание институций демократии в Европе, описание Запада, как инстанции целенаправленно стимулирующей деградацию, как источник аморализма. И индальгенция в отношении любых «наших» действий, поскольку как бы ужасно ни было то, что «мы» сделали, иначе было бы нельзя, потому что «здесь были бы солдаты НАТО».

Второй элемент может быть описан через «защиту суверенитета». Окружающий мир не просто деградирует, он состоит из разнообразных акторов, стремящихся подорвать «суверенитет» России. Отсюда после 2014 года быстро расцвел гигантский словарь — технологический суверенитет, информационный суверенитет, духовный суверенитет, цивилизационный суверенитет и т. д.

При этом имеются в виду не классическое понимание суверенитета и форм его защиты, а «цивилизационный код», который ставят себе целью «взломать» враги России, чтобы разрушить ее и лишиться ее идентичности.

Третий элемент — **концепт «неблагодарных народов»**. Все окружающие народы — неблагодарны за то, что мы им в разное время сделали доброго. Сейчас этот концепт уже присутствует в публичной риторике Путина.

Четвертый элемент связан с «осевым событием» русской истории. Специфика русской истории, ее разрывы таковы, что выстроить историческую преемственность для постсоветской России оказалось очень сложным делом. В результате маргинальная идея о том, что **сталинизм был зенитом русской истории** (эту идею развивал Геннадий Зюганов и КПРФ, начиная с предвыборной кампании в парламент в 2003 году) передвинулась в политический центр и стала стремительно укрепляться в массовом сознании.

Пятый элемент — это сам **Путин, как символическая фигура**. «Нет Путина, нет России» - это высказывание нынешнего председателя Госдумы В.Володина делается все более укорененным. Социологи отмечают, что антикоррупционная борьба, клоунада в медиа как стиль политической дискуссии, неудачи правительственных реформ и т. д. - все это работает на поддержание рейтинга Путина, а не против него. Путин внутри этого паттерна описывается как самый эффективный политик на планете. Он не совершал и — что важно — не может совершить никаких ошибок.

Таким образом, путинизм на своей поздней фазе — после аннексии Крыма — стимулировал «пробуждение снизу», которое заполнило собой социальные сети, а сверху оказалось поддержано массовыми медиа. Откровенно говоря, мы знаем его масштабов.

Надо подчеркнуть, что эти дискурсивные матрицы распространяются и среди тех, кто не смотрит телевидение и мало времени проводит в социальных сетях. После 2014 года оформился большой институциональный контур, который поддерживает этот дискурс: Военно-историческое общество (во главе с Нарышкиным), Министерство культуры (во главе с Мединским), обе палаты Федерального собрания, Общественная палата РФ, большая группа медиапроектов: ФАН Пригожина, РЕН-ТВ Ковальчуков, Царьград Малофеева, многочисленные ассоциации и союзы, такие как «Юнармия» при Министерстве обороны, разные изводы «евразийского движения», движения НОД и «Суть времени». Но самое главное: эти паттерны укоренены в образовательной системе силовых ведомств, а также в многочисленных гуманитарных факультетах высших учебных заведений, ниже уровня федерального университета.

5

Одновременно продолжается активная урбанизация, а вместе с ней и возникает новая социальная среда больших городов. В России сейчас 15 городов-миллионников, в которые стянулась половина трудоспособного населения страны. Здесь идет активная модернизация, внедряются новые социальные практики.

В каждом из этих городов существуют **центры креативных индустрий**, а вместе с ними и складывается молодая, но уже влиятельная среда, которая практически не отличается от своих ровесников в крупных европейских городах. Политические условия, в которых они

растут, для них являются «фоном», при этом **они являются сторонниками культурного разнообразия, противниками цензуры, идеологического диктата.**

Эта среда несравнимо меньше тех контингентов, которые делают карьеру в госструктурах. Она — деполитизирована. Надо подчеркнуть и то, что сами эти креативные индустрии — тоже питаются от госбюджета или являются проектами лояльных Путину олигархов. И это накладывает дополнительное ограничение на возможную политизацию этой молодежи. Но она ищет возможности выразить свое «чувство жизни». Она составляет аудиторию Навального и других политических ньютуберов, подписывает петиции, участвует в одиночных пикетах. В этой среде сейчас образуется новое, еще очень аморфное движение «либертарианцев» - молодых индивидуалистов, их неформальные клубы есть уже в 60 из 85 регионов России. В этой среде распространен интерес к муниципальному самоуправлению, готовность быть волонтерами в штабах на выборах.

5

Проблему нельзя сформулировать через противопоставление «власти и общества». Молодые карьеристы и молодые люди свободных профессий — это часто ситуация одной семьи. Один брат в ФСБ, другой — в креативных индустриях. Один — участвует в программе официального «молодежного парламента», другой — поддерживает Навального. В результате в 2018-2019 гг. впервые стали заметны публичные акции «поколения родителей»: «марш матерей» (публичная акции большой группы известных женщин против сфабрикованного дела «Нового величия»), стихотворение отца Егора Жукова, написанное от лица поколения («Мне стыдно за ровесников моих...»).

Конфликт между небольшим «сословием» лиц свободных профессий, живущих в крупных городах и теми сословиями, которые поддерживают стабильность в длинном персоналистском политическом режиме есть во многих странах — Турции, Иране, Беларуси. Он развивается примерно по одному сценарию: городская интеллигенция накапливает недовольство, затем — публичный протест, в ответ — репрессии. Каждая волна протеста порождает небольшую волну эмиграции. При этом сами условия появления недовольства воспроизводятся.

Полный разгром всей среды «креативных индустрий» для властей невозможен, поскольку эта среда — важная часть технологической модернизации. При этом власть ведет точечные репрессии, рассчитанные на то, чтобы запугать и подавить публичное выражение недовольства. А публичные лидеры остальных корпораций выступают с осуждением протестующих, поддерживая официальные обвинения в их адрес: протестующие действуют на иностранные деньги, их цель — дестабилизация и разрушение стабильности.

Власть не может решиться на то, чтобы впустить эту социальную группу на выборы и дать ей политизироваться. А когда решается на это — быстро отказывается от своего решения. Так это было с выдвижением Навального на выборы мэра Москвы в 2013 году, а затем на выборах в Московскую городскую думу в 2019 году. По итогам этих «экспериментов» Кремль ужесточал условия участия в выборах, устраивал судебные процессы.

6

Социология фиксирует, что нарастает недовольство и в лояльных кругах. Однако многие российские политологи указывают на то, что а) это недовольство еще очень далеко от какой-либо политизации, б) политизация этого недовольства может привести вовсе не к либерализации, а наоборот — к установлению еще более суровой диктатуры.

Многие связывают и рост позитивной оценки Сталина с «протестным настроением» в отношении властей. Часть весьма продвинутых лидеров деловой среды, такие как Петр Авен или Андрей Мовчан публично высказывают опасения, что политическая борьба Навального вызывает к жизни такие силы, которые разрушат благополучный бизнес лидеров российского списка Форбс. Они обвиняют его в необольшевизме.

Действительно, многолетние разоблачения Навального показывают пропасть между

демонстративным богатством высшего путинского руководства (дворцы, яхты, частные джеты и т. д.) и остальным населением, включая и среднее звено бюрократии. Здесь **явно формируется трещина в политическом режиме Путина**: ближайшие друзья Путина богатеют даже во время рецессии, получая огромные деньги из-за преференций при распределении государственных заказов, - в то время как большое сословие государственных управленцев обеспечивают стабильность работы всех подсистем — здравоохранения, образования, городского управления, коммунальных систем и т. д., - при этом они работают в условиях «лотереи арестов».

7

Растущее недовольство широких кругов и несогласие «городской интеллигенции» с политической атмосферой вызывает и новую волну обсуждений о будущем России. Десять лет назад была другая общественная атмосфера и вопрос о реформизме в направлении rule of law, democracy and human rights имел перспективу. Несколько центров разрабатывали концепции судебной реформы, реформы партийно-политического представительства. Имелись проекты расширения муниципального самоуправления.

Сейчас ситуация радикально изменилась. **Корпоративное государство Путина полностью перестроило под себя общество. Теперь - это - «корпоративное общество».**

И все идеи перехода от него — как через внутренние реформы, так и через внезапный катастрофический кризис — к другой форме государства и общества выглядят утопично и непонятны широким слоям населения. Михаил Ходорковский пишет о переходе к парламентской республике, есть авторы, которые пишут о новом федерализме. Однако увлечь этими идеями широкие аудитории невозможно. «Корпоративное общество» боится нестабильности, которая последует за реформами. Владислав Иноземцев пишет о том, что режим имеет большой запас прочности, альтернатива ему не видна.

С такими же оценками в отношении своих режимов выступают и многие турецкие, иранские и белорусские интеллектуалы.

8

Критически настроенная часть общества, сохраняющая сознание в рамках здравого смысла, непрерывно реагирует на все новые и новые симптомы ужесточения режима, его движения к самоизоляции. Паттерны казенной идеологии расползаются по социальной ткани — в системе образования, в публичной символике, в ток-шоу, в заявлениях официальных лиц, включая МИД и т. д.

Но эта реакция остается в границах персональной иронии или изумления, отдельных авторских колонок в разделе «мнения». Она не имеет никакой институциональной проекции. Известный российский журналист и общественный деятель Борис Грозовский в одной из своих статей в конце 2019 года так обозначил всю генеалогию нынешней ситуации: «Гражданское общество заявило о себе массовым участием в тушении лесных пожаров (2010), оживлением протестного движения после обратной «рокировки» Путина с Медведевым (2011-2012), реакцией на наводнение в Крымске (2012). К тому же времени относится становление некоммерческих организаций, чья деятельность невозможна без волонтерской помощи, добровольных пожертвований и горизонтальной координации. Например, поисково-спасательный отряд «Лиза Алерт» был создан в 2010 году, проект «Нужна помощь» (затем ставший одноименным фондом) — в 2012-м. Фонды, созданные ранее (например, «Подари жизнь») в этот период переживают очевидный рост интереса к своей деятельности и рост деятельного участия. Этот процесс был замедлен сначала усилением репрессий и давлением на медиа, а затем Крымом. Но в последние годы (начиная с 2016-2017 годов) крымский эффект сходит на нет: общество вернулось на ту же траекторию постепенного роста гражданского и политического участия».

Может быть, слова о росте звучат слишком оптимистично.

Но Грозовский, безусловно, прав в том, что политические и репрессивные меры Кремля, рассчитанные на то, чтобы заблокировать эту часть общества, парализовать полностью ее желание участвовать в гражданской и политической жизни — приводят к циклически повторяющимся протестам.

Для этой части общества — модернизированного населения городов-миллионников — выборы в Госдуму в 2021 году и президентские выборы 2024 года — это очень важные пункты маршрута. К этим точкам будет стягиваться протест и политизация. В этой части общества не прекратится борьба против ограничения конституционных свобод и протест против усиления репрессий.